

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Ъ С Н И

ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

1.

ВІДЪНІЕ КОРОЛЯ.

Король ходитъ большими шагами
Взадъ-и-впередъ по палатамъ;
Люди спать — королю лишь не спится:
Короля Султанъ осаждаеть,
Голову отсѣчь ему грозитъся
И въ Стамбуль отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку;
Не услышитъ-ли какого шума?
Слышитъ, востъ ночная птица,
Она чуетъ бѣду неминучу,

Скоро ей искать новой кровли
Для своихъ птенятъ горемычныхъ.

Не сова воетъ въ Ключь-Градъ,
Не луна Ключь-Городъ озаряетъ,
Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
И идетъ одинъ въ Божию церковь.

Сталъ на паперти, дверь отворяетъ...
Ужасомъ въ немъ замерло сердце,
Но великую творитъ онъ молитву
И спокойно въ церковь Божию входитъ.

Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
На помостъ валяются трупы,
Между ими хлещетъ кровь ручьями
Какъ потоки осени дождливой.
Онъ идетъ шагая черезъ трупы,
Кровь по щиколку ему достягаетъ...

Горе! въ церкви Турки и Татары
И предатели враги *Богу милы*.
На амвонѣ самъ Султанъ безбожный
Держитъ онъ на голо саблю,
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ вострїа до самой рукояти.

Короля незапный обуялъ холодъ:
Гуть-же видитъ онъ отца и брата
Предъ Султаномъ старикъ бѣдный справа
Униженно стоя на колѣнахъ,

Подаетъ ему свою корону;
Слѣва, также стоя на колѣнахъ,
Его сынъ, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый
(Съ тою самою веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго старца),
Край полы у Султана цѣлуеъ,
Какъ холопъ наказанный *фалангой*.

И Султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взявъ корону, растопталъ ногами,
И промолвилъ потомъ Радивою:
«Будь надъ Босніей моею ты властелиномъ,
Для гяуръ-христіанъ беглербеемъ.
И отступникъ билъ челомъ Султану,
Трижды полъ окровавленный цѣлуя.

И Султанъ прислужниковъ кликнулъ,
И сказалъ: «Дать кафтанъ Радивою!
Не бархатной кафтанъ, не парчевой,
А содрать на кафтанъ Радивоя
Кожу съ брата его роднаго.»
Басурмане на короля наскочили,
До нага всего его раздѣли,
Атаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже! меня наказуя!
«Плоть мою предай на растерзанье,
«Лишь помилуй мнѣ душу, Іисусе!»

При семь имени церковь задрожала,
Все внезапно утихнуло, померкло, —
Все исчезло — будто не бывало.

И король ошупью въ потемкахъ
 Коё-какъ до двери добрался,
 И съ молитвою на улицу вышелъ.
 Было тихо. Съ високаго неба
 Городъ бѣлый луна озаряла.
 Вдругъ взвилась изъ-за города бомба,
 И пошли бусурмане на приступъ.

=

2.

ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

Что въ разъздахъ Бей Янко Марнавичъ?
 Что ему дома не сидится?
 Отчего двухъ ночей онъ сряду
 Подъ одною кровлей не ночуетъ?
 Али недруги его могучи?
 Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится Бей Янко Марнавичъ
 Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья.
 Но онъ бродить, какъ гайдукъ бездомный,
 Съ той поры какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались,
 И были по Богу братья;
 Но Кирила несчастливый умеръ
 Отъ руки вмѣ избраннаго брата.

Веселѣе было пированье,
 Много пили меду и горѣлки;
 Охмѣляли, обезумяли гости,
 Два могучіе бей побранились.

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистоля,
 Но рука его пьяная дрожала.

Въ супротивника своего не попалъ онъ,
А попалъ онъ въ своего друга.
Съ того времени онъ тоскуя бродить,
Словно волъ ужаленный змією.

Наконецъ онъ на родину воротился,
И вошелъ въ церковь святаго Спаса.
Тамъ день цѣлый онъ молился Бѣгу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
И отужиналъ со своей семьею,
Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
«Посмотри, жена, ты въ окошко.
Видишь ли церковь Спаса отсель?»
Жена встала, въ окошко поглядѣла,
И сказала: «На дворѣ полночь,
За рѣкою густые туманы,
За туманомъ ничего не видно.»
Повернулся Янко Марнавичъ,
И тихонько сталъ читать молитву.

Помолившись, онъ опять ей молвилъ:
«Посмотри, что ты видишь въ окошко?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу, вонъ, малый огонѣчикъ
Чуть-чуть брежжетъ въ темноту за рѣкою.
Улыбнулся Янко Марнавичъ,
И опять сталъ тихонько молиться.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
«Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что тамъ еще видно?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу я на рѣкѣ сіяніе,
Близится оно къ нашему дому.»
Бей вздохнулъ, и съ постели свалился.
Тутъ и смерть ему приключилась.

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ.

Радивой поднялъ желтое знамя:
Онъ идетъ войной на бусурмана.
А Далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На бекрень надѣли свои шапки,
И сказали: «Возьмите насъ съ собою:
Мы хотимъ воевать бусурмановъ.»
Радивой дружелюбно ихъ принялъ
И сказалъ имъ: «Милости просимъ!»
Перешли мы заповѣдную рѣчку,
Стали жечь Турецкія деревни,
А жидовъ на деревьяхъ вѣшать.
Беглербей со своими Бошняками
Противъ насъ пришелъ изъ Баняловки;
Но лишь только заржали ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбѣжался измѣнники Далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
Мы домой воротимся съ тобою
И расскажемъ эту битву нашимъ дѣтямъ.»
Стали биться мы тогда жестоко,
Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ;
Кровью были покрыты наши сабли
Съ острія по самой рукояти.
Но когда черезъ рѣчку стали
Тѣсной кучкою мы переправляться,
Селихтаръ съ крыла на насъ ударилъ
Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
Радивой сказалъ тогда намъ: «Дѣти,
«Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
«Намъ управиться съ ними невозможно.

«Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
 «И спасайся тамъ отъ Селихтара.»
 Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать,
 Всѣ друзья, родные Радивою,
 Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
 Закричалъ Георгій Радивою:
 «Ты садись, Радивой, поскорѣе
 На коня моего вороного;
 Черезъ рѣчку вплавь переправляйся,
 Конь тебя изъ погибели вымчитъ.»
 Радивой Георгія не послушалъ,
 Наземь съѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
 Тутъ враги на него наскочили,
 Отрубили голову Радивою.

=

4.

БЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

.....

.....

Стамати былъ старъ и безсиленъ,
 А Елена молода и проворна;
 Она такъ-то его оттолкнула,
 Что ушелъ онъ охая да хромая.
 По дѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
 Ай да баба! отдѣмалась славно!

Вотъ Стамати сталъ думать думу:
 Какъ ему погубить бы Елену?
 Онъ къ жиду лиходейю приходитъ,
 Отъ него онъ требуетъ совѣта.
 Жидъ сказалъ: «Ступай на кладбище,
 Отыщи подъ камнями жабу,
 И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ.»

На кладбище приходит Стамати,
 Отыскалъ подъ камнями жабу,
 И въ горшкѣ жиду ее приноситъ.
 Жидъ на жабу проливаетъ воду,
 Нарекаетъ жабу Иваномъ
 (Грѣхъ великъ Христіанское имя
 Нарещи такой поганой твари!).
 Они жабу всю потомъ изкололи,
 И ее — ея жъ кровью напоили;
 Напоивши, заставили жабу
 Облизать поспѣлую сливу.

И Стамати мальчику молвилъ:
 «Отнеси ты Еленѣ эту сливу,
 Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
 Принесъ мальчикъ Еленѣ сливу,
 А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
 Показалось бѣдной молодицѣ,
 Что змія у ней въ животѣ шевелится.
 Испугалась молодая Елена;
 Она кликнула сестру свою меньшую.
 Та ее молокомъ напоила,
 Но змія въ животѣ все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
 Стали баять: Елена брюхата.
 Каково-то будетъ ей отъ мужа,
 Какъ воротится онъ изъ-за моря!
 И Елена стыдится и плачетъ,
 И на улицѣ выдти не смѣетъ,
 День сидитъ, ночью ей не спится.
 Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
 «Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и — Феодоръ
 Воротился на свою сторонку.

Вся деревня бѣжить къ нему на встрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ ;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ ни ищетъ онъ ее глазами.
«Гдѣ жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой, — и видитъ,
На постелѣ сидитъ его Елена.
«Встань Елена,» говоритъ Феодоръ.
Она встала, — онъ взглянулъ сурово.
Господинъ ты мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,
Предъ тобою я невиновата,
Испортили меня злые люди.»

Но Феодоръ женѣ не повѣрилъ :
Онъ отсѣкъ ей голову по плечи.
Отсѣкши, онъ самъ себя молвилъ :
«Не сгублю я невиннаго младенца,
Изъ нее выну его живаго,
При себѣ воспитывать буду.
Я увижу, на кого онъ походить,
Такъ навѣрно отца его узнаю
И убью своего злодѣя.»

Распоролъ онъ мертвое тѣло.
Что-жь! — на мѣсто милаго дитяти,
Онъ черную жабу находить.
Взвиль Феодоръ: «Горе мнѣ убійцѣ!
Я сгубилъ Елену понапрасну :
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди.»

Поднялъ онъ голову Елены,
Сталъ ее цѣловать умиленно,

И мертвые уста отворились,
Голова Елены провѣщала:

«Я невинна. Жидъ и старый Стамати
Черной жабой меня окормили.»
Тутъ опять уста ея сомкнулись
И языкъ пересталъ шевелиться.

И Феодоръ Стамати зарѣзалъ,
А жиду убилъ какъ собаку,
И отпѣлъ по женѣ панихиду.

=

5.

ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Какъ покинула меня Парасковья
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ Далматъ пришелъ ко мнѣ лукавый:
«Ступай, Дмитрій, въ морской ты городъ,
Тамъ цехины что у насъ каменья.

«Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтанахъ,
И только что пьютъ да гуляютъ:
Скоро тамъ ты разбогатѣешь,
И воротись въ шитомъ долиманѣ
Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусяхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошккамъ,
И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Воротись, когда разбогатѣешь.»

Я послушался лукаваго Далмата.
Вотъ живу въ этой каменной лодкѣ,

Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неводенъ какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по нашему молвлю;
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай:
Я завялъ какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
Слышу — Здравствуй Дмитрій Алексвиц!
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Занесенная въ озеро бурей.

=

6.

ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ
Притаился храбрый Гайдукъ Хризичъ.
Съ нимъ жена его Катерина,
Съ нимъ его два милые сына,
Имъ нельзя изъ пещеры выдти,
Стерегутъ ихъ недруги злые.
Коли чуть они голову подымутъ,
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадинѣ камня.
На четвертый взошло красно-солнце,
И вода во впадинѣ изсякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь Богъ! помилуй наши души!»

И упала мертвая на землю.
 Хризичъ глядя на нее не заплакалъ,
 Сыновья плакать при немъ не смѣли;
 Они только очи отирали
 Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
 Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
 Сталъ глядѣть онъ на мертвую матеръ,
 Будто волкъ на спящую козу.
 Его братъ, видя то, испугался.
 Закричалъ онъ старшему брату:
 «Милый братъ! не губи свою душу;
 Ты напейся горячей моею кровью,
 А умремъ мы голодною смертию,
 Станемъ мы выходить изъ могилы
 Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ.»
 Хризичъ всталъ и промолвилъ: «Полно!
 «Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.»
 И всѣ трое со скалы въ долину
 Сбѣжали какъ бѣшенныя волки.
 Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
 Семью пулями каждый изъ нихъ прострѣлъ;
 Головы враги у нихъ отсѣкли
 И на копья свои насадили, —
 А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли.
 Такъ имъ страшень былъ Хризичъ съ сыновьями.

=

7.

ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ,

І а к и н ф а М а г л а н о в и ч а .

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
 Съ Богомъ! пынь въ честь твою,

Помолясь усердно Богу,
Кубокъ я прощальный пью.

Пуля легче лихорадки;
Волею умеръ ты какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.

Вспоминай насъ за могилой,
Коль сойдется какъ-нибудь;
Отъ меня отцу, братъ милой,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила;
Я здоровъ, — и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ:
Умный мальчикъ у меня;
Ужъ владѣть Атаганомъ,
И стрѣляетъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ или нѣтъ, — узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Съ Богомъ! нынѣ въ честь твою,
Помолясь усердно Богу,
Кубокъ я прощальный пью.

=

8.

МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
Т. IX. — От. I.

А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
 По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ,
 Блѣденъ онъ и чуть ноги волочить,
 Проситъ онъ напитокъ, ради Бога.
 Зоя встала и пошла за водою,
 И прохожему вынесла ковшикъ,
 И прохожій до дна его выпилъ.
 Вотъ, напившись, говоритъ онъ Маркѣ:
 «Это что подъ горою тамъ видно?»
 Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
 «То кладбище наше родовое»
 Говоритъ незнакомый прохожій:
 «Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
 Потому что мнѣ жить ужъ не долго.»
 Тутъ широкій розвилъ онъ поясъ,
 Кажеть Маркѣ кровавую рану.
 «Три дня, молвилъ, ношу я подъ сердцемъ
 Бусурмана свинцовую пулю.
 Какъ умру, ты зарой мое тѣло
 За горой, подъ зеленою ивой.»
 И со мной положи мою саблю,
 Потому что я славный былъ воинъ.

Поддержала Зоя незнакомца,
 А Марко сталъ осматривать рану.
 Вдругъ сказала молодая Зоя:
 «Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ
 Поддержать гостя нашего долъ.»
 Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
 Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко сѣлъ на коня вороного,
 Взялъ съ собою мертвое тѣло,
 И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
 Тамъ глубокую вырыли могилу,
 И съ молитвой мертвеца схоронили.
 Вотъ проходитъ недѣля другая,

Сталъ худеть сыпочикъ у Марка ;
 Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
 Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
 Къ Якубовичу Калуерьъ приходитъ, —
 Посмотрѣлъ на ребенка, и молвилъ :
 «Сынъ твой боленъ опасною болѣзнію ;
 Посмотри на бѣлую его шею:
 Видишь ты кровавую ранку?
 Это зубъ Вурдалака, повѣрь мнѣ.»

Вся деревня за старцемъ Калуеромъ
 Отправилась тотчасъ на кладбище ;
 Тамъ могилу прохожаго разрыли,
 Видятъ, — трупъ румяный и свѣжій, —
 Ногти выросли какъ вороньи когти,
 А лицо обросло бородою, —
 Алой кровью вымазаны губы, —
 Полна крови глубокая могила.
 Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
 Но мертвецъ завизжалъ, и проворно
 Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
 Онъ бѣжалъ быстрѣе чѣмъ лошадь
 Стременами острыми язвима ;
 И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись,
 А суки деревъ такъ и трещали,
 Ломаясь какъ замерзлыя прутья.

Калуерьъ могильною землею
 Ребенка больнаго всего вытеръ,
 И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
 На закатъ краснаго солнца
 Зоя мужу своему сказала:
 «Помнишь? ровно тому дѣвъ недѣли,
 Въ эту пору умеръ злой прохожій.»

Вдругъ собака громко завыла,
 Отворилась дверь сама собою,
 И вошелъ великанъ, наклонившись,

Съль онъ, ноги подъ себя поджавши,
 Потолка головою касаясь.
 Онъ на Марка глядѣль неподвижно,
 Неподвижно глядѣль на него Марко
 Очарованъ ужаснымъ его взоромъ ;
 Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
 Запалилъ кипарисную вѣтку ,
 И подулъ дымъ на великана.
 И затрясся Вурдамакъ проклятый,
 Въ двери бросился, и бѣжать пустился,
 Будто волкъ охотникомъ гонимый.

На другія сутки въ ту же пору
 Песь замаялъ, дверь отворилась,
 И вошелъ человекъ незнакомый.
 Былъ онъ ростомъ, какъ Цесарскій рекрутъ.
 Съль онъ молча и сталъ глядѣть на Марко;
 Но старикъ молитвой его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый, —
 Могъ бы онъ верхомъ сидѣть на крысь,
 Но сверкали у него злыя глазки.
 И старикъ въ третій разъ его погналъ,
 И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

=

9.

БОНАПАРТЪ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?»
 Бонапарта спросилъ:
 «Правда ль: это племя злое,
 «Не боятся нашихъ силъ?»

«Такъ раскаются жъ нахалы:
 «Объявить ихъ старшинамъ»,

«Чтобы ружья и кинжалы
«Всѣ несли къ моимъ ногамъ.»

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты, —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы.....

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ, —
Вотъ они вступили, въ горы,
Истребляя все кругомъ.

.....
.....

Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ, смятеніе!... Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Стой! пали! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не проситъ:
Не шадите жъ никого!»

Ружья грянули, — упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы Французамъ: -- «Это что?»

Удивясь, они сказали:
«Эхо, что-ли?» НѢТЬ не то!

Ихъ полковникъ повалился,
Съ немъ сто двадцать человекъ.
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустились въ бѣгъ.

И Французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу не значай.

=

10.

СОЛОВЕИ.

Соловей мой, соловейко
Птица малая лѣсная!
У тебя ль у малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни,
У меня ли у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота,
Рано молодца женили;
А вторая-то забота, —
Воронъ конь мой притомился;
Какъ ужъ третья-то забота —
Красну дѣвцу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,

Такъ сметутъ себѣ внючки.
Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

=

II.

ПѢСНЯ О ГЕОРГІИ ЧЕРНОМЪ.

Не два волка въ оврагѣ грызутся,
Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
Старый Петро сына укоряетъ:
«Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый!
Не боишься ты Господа Бога,
Гдѣ тебѣ съ Султаномъ тягаться,
Воевать съ Бѣлградскимъ пашею!
Аль о двухъ головахъ ты родился?
Пропадай ты себѣ, окаинный,
Да за чѣмъ ты всю Сербію губишь?»
Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
«Изъ ума старикъ, видно, выжилъ,
Коли лаесть безумныя рѣчи.»
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ.
Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
Туркамъ выдать ослушнаго сына,
Объявить убѣжище Сербовъ.
Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
Георгій старика догоняетъ:
«Воротися, отецъ, воротися!|
Отпусти мнѣ невольное слово.»
Старый Петро не слушаетъ, грозитъ:
«Вотъ уже, разбойникъ, тебѣ будетъ!»
Сыпь ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.

Не взглянулъ на сына старый Петро.
 Догоняетъ вновь его Георгій,
 И хватаетъ за сивую косу.
 «Воротись, ради Господа Бога:
 Не введи ты меня въ искушенье!»
 Отпихнулъ старикъ его сердито,
 И пошелъ по Българской дорогѣ.
 Горько, горько, Георгій заплакалъ,
 Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
 Взвелъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ же.
 Закричалъ Петро, зашатавшись:
 «Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
 И упалъ на дорогу бездыханенъ.
 Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
 Его мать вышла ему на встрѣчу.
 «Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
 Отвѣчаетъ Георгій сурово:
 «За обѣдомъ старикъ пьянъ напился,
 И заснулъ на Българской дорогѣ.»
 Догадалась она, завопила:
 «Будь же Богомъ проклять ты, черный,
 Коль убилъ ты отца роднаго!»
 Съ той поры Георгій Петровичъ
 У людей прозывается Черный.

=

12.

ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смилуйся Ты, Боже!
 Забдають насъ волки Янычары!
 Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
 Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
 Сыновей въ неволю забирають,
 Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку

Распѣвать зазорныя пѣсни
 И плясать басурманскія пляски.
 Старяки даже съ нами согласны:
 Унимать насъ они перестали, —
 Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
 Гусяры насъ въ глаза укоряютъ:
 Долго ль вамъ мирволить Янычарамъ?
 Долго ль вамъ терпѣть оплеухи?
 Или вы ужъ не Сербы, — Цыганы!
 Или вы не мужчины, — старухи?
 Вы бросайте ваши бѣлые дома,
 Уходите въ Велійское ущелье, —
 Тамъ гроза готовится на Турокъ,
 Тамъ дружину свою собираетъ
 Старый Сербинъ, воевода Милошъ.

=

15.

ВУРДАЛАКЪ.*

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный:
 Разъ онъ поздною порой,
 Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
 Черезъ кладбище шелъ домой.

Бѣдный Ваня еле дышетъ,
 Спотыкаясь, чуть бредетъ
 По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ, —
 Кто-то кость, ворча, грызетъ.

Ваня сталъ; — шагнуть не можетъ.
 Боже! думаетъ бѣднякъ,
 Это вѣрно кости гложетъ
 Красногубый вурдалакъ.

* Вурдалакъ, Вудкодлакъ, Упырь (vampire).

Горе! малый я не сильный;
 Съестъ Упырь меня совсѣмъ,
 Если самъ земли могильной
 Я съ молитвою не съѣмъ.

Что-жь? вмѣсто Вурдалака —
 (Вы представьте Вани злость!)
 Въ темнотѣ предъ нимъ собака
 На могилѣ гложетъ кость.

=

14.

СЕСТРА И БРАТЯ.

Два дубочка выросли рядомъ,
 Между ими тонковерхая елка.
 Не два дуба рядомъ выросли,
 Жили вмѣстѣ два братца родные:
 Одинъ Павелъ, а другой Радула,
 А межъ ими сестра ихъ Елица.
 Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
 Всякую ей оказывали милость;
 Напоследокъ ей пожъ подарили
 Золоченый въ серебряной оправѣ.
 Огорчилась молодая Павлиха
 На золовку, стало ей завидно;
 Говорить она Радуловой любѣ:
 «Невѣстушка, по Богу сестрица!
 Не знаешь ли ты зелія такого,
 Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
 Отвѣчаетъ Радулова любя:
 «По Богу сестра моя, невѣстка,
 Я не знаю зелія такого;
 Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала;
 И меня братья мои любили,
 И мнѣ всякую оказывали милость.»

Вотъ пошла Павлиха къ водоюю ,
Да зарѣзала коня воронаго,
И сказала своему господину :
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ей подарки:
Извела она коня воронаго.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ :
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ :
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ,
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый ,
Сиваго сокола тамъ заколола,
И сказала своему господину :
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Вѣдь она сокола заколола.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ :
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ :
«Не я братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха по вечерамъ поздно
Ножъ украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола
Въ колыбелькѣ его золоченой.
Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
Громко воя и лице терзая.
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Заколола у насъ она ребенка.
А когда еще ты мнѣ не вернешь,
Осмотри ты ножъ ея зачехленный.»
Вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это ,
Побѣжалъ къ Елицѣ, во светлицу:

На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ ножъ висѣлъ злачный.
Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ, —
Ножъ злачный весь былъ окровавленъ.
Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
«Ой сестра, убей тебя Боже!
Извела ты коня вороного,
И въ саду сокола заколола;
Да за что ты зарѣзала ребенка?»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли жъ ты не встрѣшь моей клятвѣ,
Выведи меня въ чистое поле,
Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
Пусть они мое бѣлое тѣло
Разорвутъ на четыре части.»
Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ алыя цвѣточки;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молодая Павлиха:
Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ, —
Выросла трава сквозь ея кости,
Въ той травѣ лютый змѣй гнѣздится
Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
Люто страждетъ молода Павлиха;
Говоритъ она своему господину:
«Слышишь ли, господинъ ты мой, Павелъ,
Сведи меня къ золовкиной церкви,
У той церкви авось исцѣлюся.»
Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,

И какъ были они уже близко,
Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
Какъ услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господицъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
Не веди меня къ бѣлому дому,
А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
И пусти ихъ по чистому полю.»
Своей любви послушался Павелъ,
Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросло тамъ тернье да кропива;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
На томъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываетъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлкѣ сидитъ соколъ птица,
Лежитъ въ люлкѣ маленькій мальчикъ:
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той рукѣ теткинъ пожъ золоченый.

==

15.

ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ.

Полюбилъ Янышъ королевичъ
Молодую красавицу Елицу.
Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
На Любусѣ, Чешской королевнѣ.
Съ прежней любовью идетъ онъ проститься.
Ей приноситъ съ червонцами чересь,
Да гремучія серги золотыя,

Да жемчужное тройное ожерелье.
Самъ ей вдѣлъ онъ серги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересь,
Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
И поѣхалъ своею дорогою.
Какъ одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Изъ ушей выдернула серги,
Ожерелье на двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица:
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вотъ проходятъ три года и болѣ,
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы;
Захотѣлъ онъ коня воронаго
Напоить студеною водою.
Но лишь только запѣнную морду
Сунулъ конь въ студеною воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
Хватъ коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ испугѣ,
На уздѣ виситъ Водяница
Какъ на удѣ пойманная рыбка, —
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою;
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня воронова,
Осадивъ могучею рукою.
Говорить ей Янышъ королевичъ:
«Разскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,

Иль Богомъ проклятая Вила?»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,
Мой отецъ Янышъ королевичъ,
А зовуть меня Водяницей.»
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня воронова,
Обнялъ дочь свою, Водяницу
И слезами заливаясь, молвилъ:
«Гдѣ, скажи, твоя мать Елица?
Я слыхалъ, что она потонула.»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвуетъ надъ всеми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ,
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»
Водяницѣ молвилъ королевичъ:
«Такъ иди же къ водяной царицѣ,
И скажи ей: Янышъ королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаетъ,
И у ней свиданія просить
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я забуду за отвѣтомъ.»
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходить;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлымъ груди,
Поднялась царица водяная,
И сказала: «Янышъ королевичъ,
У меня свиданія просилъ ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица,

Выдь ко мнѣ на зеленой берегъ,
Поцѣлуй меня по прежнему сладко,
По прежнему полюблю тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимаеть,
Не внимаеть, головою киваеть:
«Нѣтъ, не выду, Янышь королевичъ,
Я къ тебѣ на земный берегъ.
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Расскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?»
Отвѣчаетъ Янышь королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣеть,
Противъ милой жена не утѣшить.»

А. ПУШКИНЪ.